

RU

Особенности прототипических и непрототипических каузативных конструкций в бурятском языке

Дадуева Е. А., Харанутова Д. Ш.

Аннотация. Данное исследование посвящено проблеме выражения синтаксически репрезентируемого концепта КАУЗАТИВНОСТЬ в бурятском языке. В статье рассматриваются основные виды прототипических и непрототипических каузативных конструкций бурятского языка, особенности их структуры и способы выражения. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в бурятском языке предпринимается попытка изучения синтаксической категории КАУЗАТИВНОСТЬ с точки зрения прототипического подхода. Основной целью работы является определение прототипических и непрототипических конструкций, реализующих синтаксический концепт КАУЗАТИВНОСТЬ в бурятском языке. В результате показано, что прототипическое ядро концепта КАУЗАТИВНОСТЬ бурятского языка формируют конструкции со значением побуждения и непосредственного физического воздействия, которые репрезентируются морфологическим и лексическим каузативом, а также полипредикативными конструкциями. Отмечается, что полипредикативные конструкции в бурятском языке используются только для обозначения прототипической каузации.

EN

Specificity of Prototypical and Non-Prototypical Causative Constructions in the Buryat Language

Dadueva E. A., Kharanutova D. S.

Abstract. The article is devoted to studying linguistic representation of the CAUSALITY concept in the Buryat language. The paper describes the basic types of prototypical and non-prototypical causative constructions, reveals their structural peculiarities, specificity of linguistic representation. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in the Buryat linguistics, the authors examine the syntactic category of CAUSALITY from the viewpoint of the prototypical approach. The research objective includes identifying the prototypical and non-prototypical constructions representing the concept CAUSALITY in the Buryat language. As a result, it is shown that in the Buryat language, the prototypical nucleus of the CAUSALITY concept includes constructions with the meaning of inducement or direct physical influence. These constructions include morphological and lexical causatives and polypredicative constructions. It is noted that in the Buryat language, polypredicative constructions serve exclusively to express prototypical causation.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения каузативных конструкций бурятского языка с позиций когнитивного подхода. Обращение к синтаксическому концепту КАУЗАТИВНОСТЬ позволяет впервые на материале бурятского языка определить особенности его выражения в рамках прототипического подхода. Отметим, в процессе поиска прототипа, в ходе толкования концепта находят отражения социокультурные особенности, выражающие национальную специфику использования языковых средств.

Теоретической базой исследования послужили идеи Дж. Лакоффа, представлявшего каузативность как концепт, реализующий те или иные прототипические характеристики [5; 6; 12], работы А. Вежицкой, где каузативные конструкции рассмотрены с точки зрения когнитивного аспекта [1], труды Э. Рош, посвященные описанию прототипов в категориях [13]. Теоретическую основу исследования составляют работы З. Д. Поповой, И. А. Стернина [8], Л. А. Фурс [9] о синтаксически репрезентируемых концептах.

В задачи исследования входят определение каузативных конструкций, входящих в прототипическое ядро синтаксического концепта КАУЗАТИВНОСТЬ в бурятском языке, выявление средств их выражения, а также анализ конструкций непрототипической каузации и описание социокультурных особенностей их использования.

Основными методами исследования являются методы дефиниционного и контекстуального анализа, методы компонентного и концептуального анализа, в работе применяется также метод наблюдения.

Практическая значимость исследования: материалы исследования могут быть использованы на спецкурсах и спецсеминарах по грамматике бурятского языка, этнолингвистике. Полученные данные могут найти применение в процессе преподавания дисциплин «Современный бурятский язык», «Сопоставительно-типологическая лингвистика», «Когнитивная лингвистика».

Прототипические каузативные конструкции в бурятском языке

В фокусе анализа современной когнитивной лингвистики оказались синтаксически репрезентируемые концепты, которые, безусловно, являются неотъемлемой частью семантического пространства языка, потому что простой набор концептов «без знания видов отношений между ними лишает такое пространство жизни и движения» [8, с. 77]. По мнению Л. А. Фурс, синтаксически репрезентируемый концепт – это «максимально абстрагированные компоненты смысла, концентрирующие в структурированном виде знания о мире и о языке» [9, с. 13].

Среди существующих синтаксических концептов выделяется концепт CAUSATION/ПРИЧИННОСТЬ, который является «базовой категорией человеческого мышления», относится к числу понятий, наиболее часто используемых человеком «для ментальной организации материального мира и культурных реалий» [6, с. 104]. Как указывает Л. А. Фурс, каузативность представляет собой синтаксически репрезентируемый концепт, который передает «знание о воздействии, оказываемом на объект с целью изменения его состояния или принуждения к самостоятельному действию» [9, с. 27]. Ведь еще А. Вежицкая отмечала, что «каузативные конструкции показывают, как носители данного языка проводят разграничение между различными видами причинных отношений, как они воспринимают и интерпретируют каузальные связи между происходящими событиями и действиями людей» [1, с. 176].

Л. А. Фурс выдвинуто предположение, что концептуальные категории структурируются на основе прототипического подхода, так как именно теория прототипов обеспечивает когнитивную основу для моделирования концептов [9]. Теория прототипов основывается на положении о структурированности картины мира. Прототип – набор базовых отношений, состояний, видов, действий, которые организуются в круг функциональных действий человека в рамках культурного пространства [3, с. 76]. Наличие прототипов в категориях было продемонстрировано Э. Рош [13].

Важно, что прототипический подход позволяет вывести ядро и периферию. В ядро или в прототипическое звено включаются случаи, которые в полной мере соответствуют определению категории, а элементы, не соответствующие по каким-либо критериям, называют непрототипическими [2; 7].

Одним из основных вопросов когнитивной лингвистики является вопрос, «какова иерархия этих конструкций, а именно: какая конструкция воплощает содержание концепта лучше всего (являясь прототипической), и какие конструкции развивают этот концепт в разных направлениях, размывая его границы?» [2, с. 96].

По мнению Л. А. Фурс, при активизации синтаксического концепта КАУЗАТИВНОСТЬ репрезентируются базовые концептуальные характеристики, такие как «ориентированность на деятеля-каузатора», «ориентированность на действие», «ориентированность на объект воздействия», «ориентированность на результат воздействия», а в базовые характеристики каузатора включаются понятия деятеля и источника энергии [9, с. 17].

Рассмотрим базовые механизмы формирования структуры синтаксического концепта КАУЗАТИВНОСТЬ на материале бурятского языка.

Например:

- 1) *Эжынь* *басага-яа* *уни-уул-ба*
 Мать-NOM дочь-ACC читать-CAUS-PST
 'Мать заставила дочь читать' (здесь и далее примеры авторов статьи. – Е. Д., Д. Х.).

Под деятелем подразумеваются намеренность и контролируемость действия, которые являются одними из основных характеристик акциональности, поэтому в прототипических конструкциях всегда используется акциональный глагол. Каузатором здесь является активный действующий агентс *эжынь* 'мать', контролирующей ситуацию, видящий ее результаты и реализующий конкретный план (*дочь должна читать*). Объект воздействия выражается прямым или косвенным объектом (*басага* 'дочь' – прямое дополнение).

Как считает Л. А. Фурс, критерием определения прототипа является включение в конструкцию лексического или грамматического каузатива, которые «способствуют однозначному осмыслению результативного характера каузации» [Там же, с. 28]. Примечательно, что в бурятском языке морфологические каузативы образуются от практически любого глагола и выступают в качестве основного компонента прототипической конструкции со значением побуждения объекта к действию: *абир-уул-ха* 'заставлять карабкаться' от *абирха* 'карабкаться', *агн-уул-ха* 'заставлять охотиться, посылать на охоту' от *агнаха* 'охотиться' и т.д.

Также нельзя не отметить, что побуждение объекта к действию, представляющее собой базовое значение прототипической конструкции, может реализовываться в бурятском языке и полипредикативной конструкцией. В этом случае побуждение выражается глаголом волевого воздействия (матричным предикатом), а каузируемое действие – формой причастия. Например:

- 2) *Эжы* *Бадм-ые* *гар-аа* *угаа-х-ые-нь* *баала-на*
 Мать-NOM Бадма-ACC рука-ACC мыть-PC.FUT-ACC-REFL заставлять-PRS
 ‘Мама заставляет Бадму мыть руки’.

В этой конструкции мы видим одушевленного, наделенного волей, намерением и обладающего возможностью контроля каузатора *эжы* ‘мать’ и одушевленного каузируемого актанта *Бадму*.

В бурятской полипредикативной каузативной конструкции использование иных актантов не предусмотрено. Каузатор здесь обладает признаком преднамеренности, который считается признаком прототипической конструкции. Естественно, что преднамеренность характерна для живого существа, человека. Таким образом, в бурятском языке именно полипредикативные конструкции демонстрируют прототипичность. Попутно отметим, что использование аналитических конструкций для выражения концепта КАУЗАТИВНОСТЬ свидетельствует о такой черте бурят, как рациональность. По мнению С. Ц. Чимитовой, практический склад ума, рациональный образ мышления относятся к характеристикам когнитивных процессов бурят [10].

Далее, к прототипическим относятся конструкции побуждения объекта к перемещению. В бурятском языке они реализуются при помощи монопредикативных конструкций с морфологическим каузативом и полипредикативных конструкций с матричным предикатом.

Например: *Басагаяа газгаа яб-уул-ба* ‘Отправил дочь на улицу’ (используется морфологический каузатив *яб-уул-ба*). *Басагаяа газгаа яба-х-ые-нь баалана* ‘Заставляет дочь идти на улицу’ (используется полипредикативная конструкция с матричным предикатом *баалана*).

Побуждение к изменению состояния выражается двухактантной конструкцией с морфологическим и лексическим каузативами. Например: *Гитлер арад зонши айлгана, мэхэлнэ...* (Тумунов Ж. Нойрхоо хэрихэн тала. 1949) [11]. / ‘Гитлер людей пугает, обманывает’. Этот пример включает в себя как лексический каузатив *мэхэлнэ* ‘обманывает’, так и морфологический – *айлгана* ‘пугает’ с суффиксом *-лга*.

Следует отметить еще одну особенность бурятского языка: полипредикативные конструкции не используются для выражения побуждения к изменению эмоционального состояния, как, например, в русском языке, в котором такие побуждения можно выразить при помощи глагола волевого воздействия и инфинитива (*заставлять сердиться, заставлять радоваться* и т.д.).

Что касается лексического каузатива, то он ближе всего находится к прототипу и выражает чаще всего непосредственное физическое действие, совершаемое агенсом с целью вызвать изменения в пациенте. Например:

- 3) *Банзар* *шархата-хан* *бүргэд-ые* *hadнаг-аар* *сохи-жо* *ала-ба*
 Банзар-NOM раненый-PC.PST беркут-ACC палка-INS бить-CV убить-PST.3
 (Цыдендамбаев Ч. Банзарай хүбүүн Доржо. 1953) [Там же]. /
 ‘Банзар убил раненого беркута палкой’.

В данной конструкции лексический каузатив *алаха* ‘убить’ реализует все 12 компонентов прототипа, предложенные Дж. Лакоффом [6, с. 105]. Программа выполнения и физический контакт в бурятском языке чаще всего подтверждаются наличием деепричастной формы глагола: *сохижо алаха* ‘букв. убить, ударяя’. Заметим, для прототипических конструкций характерно наличие инструмента. Ср.: *hadнагаар сохижо алаба* ‘убил, ударив палкой’.

Действие агенса связано с производством энергии. В каузативной конструкции присутствует пациент, которому передается энергия агенса-каузатора при помощи инструмента. Агенса контролирует инструмент и вкладывает в него свою энергию, которую через него и получает пациент *бүргэд-ые*.

Главное место в числе каузативных глаголов бурятского языка занимают конструкции с ситуацией, наиболее приближенной к прототипической. В семантике морфологических каузативов физического и эмоционального воздействия можно отметить указание на результат действия. В таких глаголах содержится процесс перехода в новое состояние, который, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, и является концептом создания объекта, т.е. метафорой нашего сознания [Там же, с. 110]. Более того, «чем ближе форма, указывающая на каузацию, к форме, указывающей на результат (EFFECT), тем сильнее причинно-следственные связи (the causal link)» [12, р. 131]. И как далее указывает Дж. Лакофф, «самые лучшие примеры причинности обычно помечаются грамматическими конструкциями или даже морфемами» [Ibidem, р. 132]. Ср.: *Тэрэ сонхыемни шулуугар ундэ-бэ* ‘Он сломал камнем окно’ – *Сонхонми ундэ-р-бэ* ‘Окно сломалось’; *Тэрэ намай ун-уул-ба* ‘Он уронил меня’ – *Би уна-баб* ‘Я упал’. Как видим, данные примеры не только показывают богатые возможности морфологических средств выражения каузативности в бурятском языке, но и иллюстрируют одно из важных положений синтаксического концепта КАУЗАТИВНОСТЬ – прототипическое значение каузации встроено в грамматику языка [9].

Также в бурятском языке находит подтверждение общеизвестный факт, что морфологический способ передачи каузативности говорит о компактности выражения причинно-следственных отношений в языке. Например, сдержанность как одна из черт бурятского темперамента отразилась на языковом уровне: компактность присоединения аффиксов демонстрирует немногословие, молчаливость бурят (например: *хара-ха* ‘смотреть’ – *хар-уул-ха* ‘показывать’ – *хара-лс-уул-ха* ‘просить, чтобы присматривали вместе’). Понятно, что кочевой образ жизни накладывал отпечаток на характер бурята.

Непрототипические каузативные конструкции в бурятском языке

Что касается непрототипических отношений, то они представляются как отношения, возникающие при воздействии, при котором наблюдается «использование промежуточного агенса, появление двух или более агентов» [6, с. 107]. Данное утверждение Дж. Лакоффа говорит о непрототипичности конструкций социативной каузации, предполагающей использование помощника, промежуточного агенса. Например:

- 4) *Бүтэдмаа* *Базарсадаевна* *угта-н* *гара-жа,* *хони-д-ые-нь*
хаа-лса-ба
 Бүтэдмаа Базарсадаевна-NOM встречать-CV выходить-CV овца-PL-ACC-REFL
 закрыть-SOC.CAUS-PST (Мунгонов Б. Баян зүрхэн – II. 1979) [11]. /
 ‘Бүтэдма Базарсадаевна вышла навстречу и помогла закрыть овец’.

В таких конструкциях каузатор не является единственным источником энергии, у него нет плана выполнения действия, инициатором здесь выступает совершенно другой субъект, который не эксплицирован в данном предложении, но подразумевается его присутствие наличием социативного каузатива *хаалсаха* ‘помогать кому-либо закрывать’. Слова *угтан гаража* ‘выйдя навстречу’ также указывают на присутствие иницирующего субъекта.

Непрототипичными являются и конструкции, в которых воздействие оказывается агенсом – не человеком. Непрототипический каузатор – это агенс, являющийся источником энергии, но не имеющий намеренности и контроля над выполнением действия. Чем выражаются непрототипические каузаторы? Чаще всего, это неодушевленные предметы, обобщенные имена, которые наделяются определенной энергией для совершения воздействия, будь то *ветер, дождь, эмоция, необъяснимая сила* и др. В бурятском языке такие конструкции выражаются только при помощи морфологического и лексического каузативов. Например, непрототипический каузатор *halxin* ‘ветер’. Ср.: *Сагаан буурал үһыень halxin улам haглай-лга-на* (Цыдендамбаев Ч. Түрэл нютаghаа холо. 1958) [Там же]. / ‘Ветер треплет его седые волосы’ (морфологический каузатив *haглай-лга-ха* ‘растрепывать, трепать’). *Halxin үүдыень түлхинэ ‘Ветер толкает дверь’* (лексический каузатив *түлхихэ* ‘толкать’).

Энергия ветра в данных конструкциях является причиной определенных действий, однако эта энергия не агентивна и не носит характера преднамеренности. Анализ материала показывает, что для бурятского языка нехарактерны полипредикативные конструкции с неодушевленным непрототипическим каузатором, что связано со строгим использованием таких конструкций только в ситуациях с одушевленным, наделенным волей, каузатором. Ср. *Halxin үүдыень хахая баалана* ‘Ветер заставляет дверь закрыться’* (дословный перевод авторов статьи. – Е. Д., Д. Х.). Такая конструкция с непрототипическим каузатором не используется в бурятском языке.

В результате **прототипического семантического сдвига происходит** переход от одного значения к другому [3]. Развитие новых значений осуществляется постепенно. Сдвигом можно назвать переход от прототипа к непрототипу, т.е. к единице, которая включает в себя несколько другие признаки, чем чистая каузация. Например, это сдвиг от каузативного значения к страдательному, что довольно характерно для бурятского языка. Ср.: *Нохойдо хазуулха* от ‘позволить собаке укусить тебя’ до ‘быть укушенным собакой’. Например:

- 5) *Бадма* *нохой-до* *хаз-уул-ба*
 Бадма-NOM собака-DAT укусить-CAUS-PST
 ‘Бадма был укушен собакой’, или ‘Бадму укусила собака’, или ‘Бадма позволил собаке укусить себя’.

В конструкции в качестве каузатора, т.е. актанта в главной номинативной роли, выступает *Бадма*. Именно действия *Бадмы* явились причиной каузированного состояния. Собака здесь воспринимается как орудие, а не причина случившегося события. Ср.: *Бадмые нохой хазаба* ‘Собака укусила Бадму’ (здесь агентивным центром выступает уже собака в прототипической конструкции). Человек своими действиями позволил собаке укусить себя, возможно, он привлек ее внимание, бежал, махал руками и т.д.

На наш взгляд, такие конструкции отражают менталитет бурят. Как замечает В. Г. Крысько, «буряты вели кочевой образ жизни, были изолированы от внешнего мира, что сформировало их серьезную зависимость от природных сил, способствовало появлению множества традиций и обрядов, связанных с взаимоотношениями с природой. Каждое племя, каждый род могли надеяться только на собственные возможности, им не откуда было ждать помощи» [4, с. 89]. Также он отмечает такие черты, как уважительное отношение к старшим, стремление обойти острые углы, конформность, терпеливость во взаимоотношениях [Там же]. По-видимому, «стремление обойти острые углы» как раз и показывают такие конструкции, как *нохойдо хазуулба*. Человек считает себя виноватым в произошедшем, не хочет показать, что причиной следствия были иные обстоятельства. Ср.: *Тэрэ мяхя ужээлгэбэ* ‘Он позволил мясу сгнить’. Эта конструкция показывает, что человек сам виноват в случившемся, его оплошность и забывчивость привели к таким последствиям, что мясо сгнило. На первый взгляд некаузативная ситуация (*Мясо сгнило*) в бурятском языке приобретает каузативную окраску, пермиссивное значение, демонстрируя непрототипические эффекты.

В непрототипических конструкциях также заметно значение природной стихии для буряты, она могла заставить человека в процессе работы, в пути от одного места в другое в бескрайней степи. Человек был беззащитен перед стихией, ему негде было укрыться, найти приют. Поэтому возникают конструкции с пермиссив-

ным значением каузации «позволить, дать себя обжечь, ударить, намочить и т.д.». Можно сказать, что это является следствием наглядно-действенного видения мира и конкретно-образного мышления. Например: *Улаан нараар шар-уул-а!* (Г. Дашабылов. Жэлэй дүрбэн саг. 2007) [11]. / 'Он позволил солнцу обжечь себя'. *Сахилгаанда сох-юул-ба* (Д. Улзытуев. Хунад. 1968) [Там же]. / 'Он позволил молнии ударить себя' (дословный перевод авторов статьи. – Е. Д., Д. Х.).

Как показывают примеры, непрототипические сдвиги происходят в основном в конструкциях с морфологическим каузативом (*шар-уул-а* 'позволил обжечь', *сох-юул-ба* 'позволил ударить'). Такие конструкции отражают особенности менталитета бурят, для которых характерны слабое выражение эмоций и чувств, терпеливость, безусловно, эти черты находят отражение в каузативных конструкциях, при этом используются пермиссивные конструкции, которые показывают, что объект воздействия сам виноват, он допустил такой ход событий.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В бурятском языке в прототипическое ядро семантического концепта КАУЗАТИВНОСТЬ входят конструкции со значением побуждения объекта к действию, побуждения объекта к перемещению, побуждения объекта к изменению состояния и конструкции со значением непосредственного физического воздействия. Основными способами выражения прототипических конструкций выступают конструкции с лексическим и морфологическим каузативом, а также полипредикативные (аналитические) конструкции. Богатые возможности морфологического выражения каузативности в бурятском языке показывают, что прототипическое значение каузации встроено в грамматику языка. Полипредикативные конструкции в бурятском языке используются только для обозначения различных значений прототипических конструкций, однако не используются для выражения побуждения к изменению эмоционального состояния.

Прототипические сдвиги возможны в конструкциях с непрототипическим агенсом с морфологическим и лексическим каузативами. Безусловно, именно непрототипические конструкции показывают определенные социокультурные особенности бурятского видения мира. Довольно часто происходит сдвиг от каузативного значения к страдательному, что можно связать с особым мировидением бурят, их менталитетом. В непрототипических конструкциях заметны значение природной стихии для бурята, конформность, терпеливость во взаимоотношениях, когда человек в случившемся виноватым считает именно себя. Непрототипичными являются конструкции с социативным каузативом, что связано с использованием непрототипических каузаторов (помощник, промежуточный агенс).

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в детальном изучении большего числа каузативных конструкций бурятского языка с позиций прототипического подхода, в определении когнитивных механизмов выражения синтаксического концепта КАУЗАТИВНОСТЬ в бурятском языке.

Условные обозначения грамматических значений в глоссах

ACC – винительный падеж; CAUS – каузативный глагол; CV – деепричастие; DAT – дательный падеж; INS – инструментальный падеж; NOM – именительный падеж, PC.PST – причастие прошедшего времени; PC.FUT – причастие будущего времени; Pl – множественное число; SG – единственное число; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; REFL – показатели субъектного (возвратного) притяжения; SOC – социатив.

Финансирование | Funding

RU Публикация подготовлена в рамках гранта на проведение инициативных научных исследований, поддержанного ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова», № 21-12-0502, проект «Категория каузативности в бурятском языке».

EN The publication is supported by Initiative Research Grant from Banzarov Buryat State University, № 21-12-0502, project "Causality category in the Buryat language"

Источники | References

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 780 с.
2. Ковалева Л. М. Категория каузальности в когнитивном аспекте // Вестник Новосибирского государственного университета. 2007. Т. 5. № 1. С. 95-102.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
4. Крысько В. Г. Этническая психология. Изд-е 4-е. М.: Академия, 2008. 320 с.
5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении: в 2-х кн. / пер. И. Б. Шатуновского. М.: Гнозис, 2011. Кн. I. Разум вне машины. 512 с.

6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Летучий А. Б. Каузатив, декаузатив и лабильность. Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка / отв. ред. Я. Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2009. 715 с.
8. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
9. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дисс. ... д. филол. н. Тамбов, 2004. 36 с.
10. Чимитова С. Ц. Этнопсихологические особенности воспитания бурятской молодежи: дисс. ... к. пед. н. М., 1993. 164 с.
11. http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 23.03.2021).
12. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
13. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization / ed. by E. Rosch, B. B. Lloyd. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27-48.

Информация об авторах | Author information

RU

Дадуева Елена Александровна¹, к. филол. н.
Харанутова Дарима Шагдуровна², д. филол. н., доц.
^{1,2} Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова, г. Улан-Удэ

EN

Dadueva Elena Aleksandrovna¹, PhD
Kharanutova Darima Shagdurovna², Dr
^{1,2} Buryat State University, Ulan-Ude

¹ edadueva@yandex.ru, ² dkharanutova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.04.2021; опубликовано (published): 30.06.2021.

Ключевые слова (keywords): каузативность; синтаксический концепт; бурятский язык; прототипический подход; causality; syntactic concept; Buryat language; prototypical approach.